

О ЕДИНСТВЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

На какой основе возможно вообще достижение единства культуры? Ответ на этот вопрос во многом обусловлен гносеологическими параметрами наших представлений о культуре и складывающейся на этой основе соответствующей парадигме сознания, которая определяет тип бытия Человека в культуре. А это непосредственно связано с теми различиями в понимании категории единства, которые детерминированы общими мировоззренческими основами бытия человека и общества. Во-первых, единству на основе абстрактно-всеобщего соответствует монологическая концепция сознания и культуры; во-вторых, единству на основе конкретно-всеобщего соответствует субъектно-субъектный принцип организации культурного взаимодействия и диалоговая форма общения.

В системе философского знания, определяемого марксистско-ленинской идеологией, доминировавшей в условиях советского общества, была заложена монологическая концепция сознания и культуры. Суть ее заключалась в том, что она была призвана утвердить такую систему отношений, в том числе и в сфере культуры, которая претендовала на истину в последней инстанции. Итогом явился линейный по вертикали характер построения всеобщей человеческой деятельности и культуры и, как следствие, унификация и нивелирование культуры вместо действительной общности и всеобщности.

Социалистическая культура была объявлена высшей формой культурной жизни, которая была призвана вобрать в себя все лучшее, что выработало человечество до нее. Иными словами, весь предшествующий период и все многообразие культур объявлялись всего лишь моментом на пути утверждения социалистической формы культурной жизни. В рамках этой парадигмы говорить серьезно о национальных культурах как целостных образованиях, об их равноправном сосуществовании и действительном подлинном общении, можно было чисто условно. Их функционирование, взаимодействие друг с другом, достижения определялись, прежде всего, тем, в какой степени это соответствовало принципам, лежащим в основе формирования и развития «социалистической культуры» в целом. Иными словами, национально-этническое в культуре учитывалось в той мере, в которой оно не противоречило общей идеологической концепции.

Таким образом, субстанциализация социалистической культуры как всеобщего эталона с необходимостью порождала ее репрессивный характер по отношению к другим тенденциям в культурной жизни, в том числе, и к национальным культурам, укрепляла механизм манипулирования общественным и личным сознанием. Общество, люди тем самым лишались элементарной свободы проявления своих чувств, побуждений, творческих потенций. Господство

абстрактной всеобщности – это господство не-Свободы. Отрицалось главное – приоритет индивидуальности, самобытности культур. Для утверждения в жизни людей единых и общих для всех форм культурной жизни, для достижения морально-политического и духовно-идейного единства общества форсированно создавался социально-экономический, политический и духовный фундамент.

Во-первых, осуществлялось целенаправленное ограничение сфер влияния национальных ценностей и их вытеснение (посредством уничтожения памятников, пересмотра исторического прошлого, сокращения функционирования языка и т.д. и т.п.) из сознания людей, подмена национального классовым, слом веками сложившейся системы хозяйствования, духовной и нравственной основы национальной культуры.

Во-вторых, настойчиво проводилась маргинализация общества посредством изменения этнодемографической структуры регионов и национально-государственных образований, осуществления массовой миграции, насильственного переселения целых народов. Таким образом реализовывалась идея смешивания народов ради слияния всех народов в «новую общность – советский народ».

В-третьих, осуществлялась жесткая политика на утверждение в обществе однородной социально-классовой структуры, сведения многообразия социальных групп к обязательной для всех республик (независимо от их специфики, уровня развития, исторически сложившихся хозяйственных укладов и т.д.) «трехчленке»: рабочий класс – колхозное крестьянство – народная интеллигенция, в которой ведущее положение отдавалось пролетариату. Такой подход противоречил тем объективным процессам, которые были вызваны современным научно-техническим прогрессом и которые свидетельствуют о снижении значимости для индивида предзаданных социальных групп людей, называемых в советской социологии классами, и повышении роли малых динамичных групп, содружеств, которые создает или выбирает сам индивид на основе самоопределения и нравственного выбора.

В-четвертых, проводился строгий и жесткий контроль за соблюдением идеологических параметров в развитии социалистической культуры.

Идейно-теоретическое основание социалистической культуры заключалось в незыблемости следующих постулатов:

1) социалистическая культура - национальная по форме и социалистическая по содержанию;

2) всякая национальная культура буржуазного общества состоит из двух противоположных по своему содержанию культур: пролетарской и буржуазной;

3) принцип партийности;

4) принцип социалистического реализма.

Не трудно заметить, что в этих постулатах нашел свое конкретное воплощение принцип классового подхода, априори предполагающий противопоставление социальных групп по «культурному признаку», деление самой культуры на «чистую» и «нечистую».

Эти постулаты задавали жесткие ориентиры «развития» национальных культур, исключая какое-либо признание того, что мировоззрение и культура каждого народа имеет некое единое надклассовое содержание.

В-пятых, осуществлялось использование самой культуры в интересах тоталитарного государства, когда создавались такие условия, при которых культура либо постоянно опиралась на власть, либо противопоставлялась власти.

Заказ тоталитарного режима культуре заключался в том, чтобы, во-первых, сформировать такой стереотип культурного поведения и восприятия действительности, который имел бы универсальный характер и значение не только для различных социальных слоев, но даже для разных возрастных групп. Во-вторых, в том, чтобы придать социалистической культуре имидж классической культуры, призванной вобрать в себя и преодолеть различия многообразия субкультур (молодежной, массовой, этнической и т.д.). В-третьих, – постоянно поддерживать и развивать убеждение о единстве и непротиворечивости социалистической культуры посредством внедрения в сознание людей установки, что принадлежность к ней свидетельствует о причастности к чему-то высшему, светлому, вечному. Именно этим можно объяснить то внимание, которое власти придавали процедурам культурной канонизации в различных сферах жизни и, связанные с этим, не укладывающиеся в рамки рационального объяснения финансовые, материальные и творческие затраты на возрождение монументальных архитектурных комплексов, памятников и т.д. В этом контексте находят свое объяснение масштабные юбилейные празднества, связанные с годовщиной того или иного политического деятеля, или деятеля искусства, Дни культуры той или иной республики, приобретающие статус государственного значения и проводимые чуть ли не как государственные праздники.

Таким образом, вся система культуры, построенная на основе монологического, упрощенческого восприятия общественного и национального бытия человека вела в тупик, к люмпенизации общества и нивелированию культуры и личности.

Социалистическая культура, претендовавшая на статус общечеловеческой, на самом деле представляла собой, некий маргинальный феномен общей и единой для всех социальной жизни, сознательно формируемой и исключавшей внутри себя развитие подлинно культурного разнообразия и взаимодействия, адекватного тому этническому разнообразию, которое составляло население страны. В жестких условиях данной формы культурного бытия индивид по существу терял свою потребность в субъектно-этнической идентификации в результате размывания и редукции норм и ценностей национальных культур к неким абстрактно-всеобщим, не имеющим для него лично-значимого содержания, внешне заданным установкам поведения, общения и деятельности, закрепленным в «моральном кодексе», различного рода уставах, программах и т.д. Объективно оставаясь в своем этносе, он переставал интериоризировать его субъективные признаки (язык, традиции, нравственно-этнические нормы

общения и т.д.). Происходило то, что можно определить как культурно-психологическую деэтнизацию человека.

Современный этап человеческого развития настоятельно выдвигает на первый план общественных интересов иной способ достижения культурного единства. Прежде всего, необходимо отметить, что становится все более очевидным невозможность решать экономические, социально-политические, межнациональные и культурные проблемы на основе противостояния, идеологического или любого другого вида противоборства, провозглашения превосходства одной стороны над другой. Кроме этого обнаруживается, что в одном пространстве сознания присутствуют различные духовно-культурные спектры. Оказывается, что ни восточный, ни западный спектр ценностей (средневековый, христианский, нововременный, просвещенческий, возрожденческий смыслы бытия) не уходят в прошлое, не распределяются по исторической лестнице, в которой одно – ниже, другое – выше, одно – ступенька к другому. Эти культурные спектры во многом одновременны, и они имеют смысл только друг по отношению к другу, в действительном диалогическом общении друг с другом.

Таким образом, человек оказывается в центре переплетения этого разнообразия культурных спектров, сосуществующих, взаимодействующих, взаимоисключающих, претендующих на всеобщность и сохранение своей абсолютной уникальности. Он стоит перед выбором, ищет пути к тому, чтобы соизмерить себя как носителя определенных культурно-этнических ценностей с тем, кто живет рядом с ним и является носителем других культурно-этнических ценностей. Человеческое сознание, по выражению В.С. Библера, как бы выносятся «на грань различных культур, в точку встречи двух (и более) исторических форм сознания, способных отстраняться друг от друга» [1, с. 320]. Механизм общения, основанный на монологической установке сознания индивида, только усиливает эту отстраненность.

Решение проблемы лежит на пути утверждения и закрепления в социально-политических структурах субъектно-субъектного принципа организации взаимодействия национальных культур, предполагающий диалогический тип их общения. Такой тип общения требует и иной мировоззренческой матрицы, иного типа мышления, доминантой которого должно стать взаимопонимание. По мнению М.М. Бахтина, в процессе диалогового общения культур «мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она себе не ставила, мы ищем в ней ответы на эти наши вопросы и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины. Без своих вопросов нельзя творчески понять ничего другого и чужого (но, конечно, вопросов серьезных, подлинных). При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» [2, с. 126].

Особенностью такой постановки проблемы является прежде всего то, что через диалог культур преодолевается механистический детерминизм в понима-

нии природы человеческого сознания и формационный подход, определяющий видение культуры и место человека в ней. Кроме того, диалог культур в этом случае выступает средством осуществления подлинно гуманистической идеи человеческой свободы, его выбора и самореализации. Диалог культур выступает как способ, посредством которого люди переходят от однозначного типа детерминации – от одновариантного бытия – к самодетерминации на основе сознательного выбора из набора альтернатив. Открывая другую культуру не как другую, а как одну из наших собственных возможностей, человек переходит от одновариантного бытия к многовариантному.

В современных условиях мы часто сталкиваемся с настойчивыми попытками представить взаимодействие культур как перенесение тех или иных культурных ценностей, чужого опыта (будь то в экономической, социально-политической или духовной сферах) на отечественную почву и на их основе изменить как все общество, так и сознание его граждан. Однако диалог культур, когда человек включает в свое самосознание сознание человека другой культуры, с иными смыслами бытия и мышления исключает копирование или простое заимствование чужого опыта. Как справедливо отмечает А.С. Панарин, «копирование по сути своей диалогом не является: оно, скорее, представляет переход от одного типа монизма, эгоцентричного, к другому, связанному с полным самоотказом» [3, с. 37].

Сущность свободного и открытого человеческого мышления связана вовсе не с тем, чтобы отказаться от собственных национальных традиций и признать другие. Свобода и открытость мышления заключается в способности индивида удерживать в своем сознании на равных разные традиции, сопрягать и сравнивать каноны, владея каждым из них, сделать их своим внутренним достоянием. Это – трудный путь перехода от культурного монизма к универсализму, от механического самобытничества к творческой самодеятельности.

Практическая реализация диалога культур предполагает не устранение социального и культурно-этнического многообразия. Она заключается в целенаправленном формировании такой системы экономических, социально-политических и духовно-нравственных отношений, которые, во-первых, обеспечивали бы свободную коммуникацию между культурами и субкультурами; во-вторых, позволяли бы выявить их, зачастую не лежащую на поверхности, рациональность; в-третьих, были бы лишены жестких, принудительных схем, дилемм и ориентаций.

Можно указать на некоторые первичные параметры диалогического типа общения культур как формы и механизма достижения единства культуры, которые должны быть закреплены в социально-политических, экономических, правовых и нравственных структурах общества и, которые, по нашему мнению, заключаются в следующем:

- в признании свободы и самоценности каждого культурного субъекта общения;
- в стремлении и способности взаимодействующих сторон искать компромисс, общую основу для взаимопонимания и сотрудничества;

- в осознании потребности друг в друге как важнейшего условия саморазвития каждого из них;
- в утверждении во взаимоотношениях друг с другом духовного согласия, терпимости, уважения;
- в отказе от экономического шантажа, политической конфронтации, идеологического противоборства.

В такой диалогической атмосфере происходит не просто обмен культурными достижениями, информацией о жизни друг друга и т.д., а рождается нечто принципиально новое, происходит творческое обогащение культур, объединяющее общающихся субъектов на основе превращения состояния каждого из них в их общее состояние. Тем самым достигается высшая степень взаимопонимания и взаимодоверия, высшая степень единства.

Литература

1. Библер В.С. Диалог. Сознание. Культура. – М., 1989.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
3. Панарин А.С. Политология на рубеже культур // Вопросы философии. – 1993. – № 8.

Түйін

Айымбетова Ұ. Ұлттық және жалпыадамзаттық мәдениеттің бірлігі туралы (Қазақстан Республикасының үлгісінде)

Мәдениеттің бірлігі қай негізде жүзеге асуы мүмкін? Бұл сұрақтың жауабы көбіне мәдениет туралы біздің гносеологиялық өлшемдерімізбен анықталады. Ол өз кезегінде адам мен қоғам болмысының дүниетанымдық жалпы негіздерімен астасқан бірлік категориясын түсінудегі әрқилылықтармен байланысты.

Summary

Aimbetova U. On the Unity of National and All-Human Culture (Example of the Republic of Kazakhstan)

On what basis it is possible to get a unity of culture? The answer to this question is determined by many gnoseological parameters of our notions of culture. And this is immediately connected with those differences in understanding of the category “unity” which are determined by common world outlook’ bases of being man and society. The unity on the base of the abstractedly general correlates with monological conception of consciousness and culture. The unity on the base of the concrete general correlates with subject-subject principle of organization of cultural interrelation and dialogical form of communication.

